

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 31 (3687)

Вторник, 12 марта 1957 г.

Цена 40 коп.

„С ВОЛНЕНИЕМ ЖДЕМ ВСТРЕЧИ С МОСКВИЧАМИ“

12 апреля в Москве начинается декада таджикского искусства и литературы. Это будет третий смотр таджикской культуры в Москве — первая декада состоялась в апреле 1941 года, вторая — в сентябре 1949 года.

К этому третьему смотру мы готовимся с особой ответственностью, — сказал корреспонденту «Литературной газеты» министр культуры Таджикской ССР Намис Хакимзода. — Наш читатель и зритель требуют от деятелей культуры более глубокого отражения жизни, правдивого и яркого раскрытия борьбы советского народа за коммунизм.

Что будет показано в дни третьей таджикской декады

Театр драмы имени Якухи. Он покажет трагедию В. Шекспира «Король Лир», историко-революционную пьесу Джалола Икрами «Дождина» (по одноименному роману С. Айна), современную драму С. Саидмуродова и М. Рабиева «Саодат» и, наконец, водеvil Ш. Киямова и А. Муроа «Сердце сердца весть подает». Из этих спектаклей «Король Лир» поставлен перед декадой, остальные идут на сцене и пользуются большим успехом у зрителя.

Театральные эскизы, образцы народного прикладного искусства, цветная фотография. — Все мы, — сказал в заключение министр, — с волнением ждем встречи с москвичами.

Что же мы покажем во время декады? Отметим прежде всего, что в декаде должны выйти десятки книг художественной литературы. Наряду с произведениями классиков таджикской литературы будут изданы и многие произведения советских писателей. Назову, например, сборник стихов М. Турсунзаде — «Хасан-арабеш», М. Миршакара — «Ленин на Памире», повесть С. Улугваде — «Утро нашей жизни», романы Р. Джалила — «Пулат и Гульру», Д. Икрами — «Признаю себя виновным», сборник стихов молодых поэтов Г. Мирзоева, Ф. Ансоори, А. Сидки, А. Шукхи и других. Многие книги уже поступили в продажу, за выпуск остальных установлен строжайший контроль. Эти книги будут продаваться в Москве в дни декады. Кроме того, «Музгиз» и издательство «Советский композитор» готовят к печати сборники песен и мелодий таджикского народа, третий том сборника классической таджикской музыки, произведения современных композиторов.

С интересным и разнообразным репертуаром придет в Москву таджикский государственный академический театр драмы имени Якухи.

В воскресенье, 10 марта, состоялись выборы в ШЕСТИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ

Первый раз в голосовал за советскую власть сорок лет назад. Это было в Москве, где и работал слесарем на заводе «Динамо». Но тогда у меня в руках были не бюллетени, а винтовка, с которой я шел против царизма. Сегодня я с радостью отдаю свой голос за лучших представителей народа — кандидатов неурядного блока коммунистов и беспартийных, — так заявил, опуская свои бюллетени, Ф. Эйсерт, начальник штамповочного отделения инструментального цеха рижского завода «ВЗФ». Старый кадровый рабочий, участник революционных событий 1917 года, он в воскресенье, 10 марта, первым пришел на избирательный участок и первым опустил бюллетени.

Корреспонденты, наблюдавшие за ходом выборов в местные Советы Латвийской ССР, сообщают, что они прошли дружно как в Риге, Даугавпилсе, Цесисе, Лиепая, Вентспилсе, так и в других местностях республики. Это была еще одна убедительная демонстрация полной поддержки латвийским народом политики Коммунистической партии и Советского Союза.

В этот день, 10 марта, выборы состоялись в шести союзных республиках — Казахстане, Азербайджане, Латвии, Киргизии, Армении и Эстонии. Повсюду блок коммунистов и беспартийных выдвинул кандидатами людей, хорошо известных народу своей революционной деятельностью, заслугами в труде, общественной работой. Из Еревана сообщают, например, что там в городской Совет избраны В. Мравян, который после февральской революции 1917 года был избран членом одного из первых в Армении Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов — в городе Каракане, ныне Кировскане.

Голосование за кандидатов блока коммунистов и беспартийных повсюду прошло организованно, в обстановке большого политического подъема. Достаточно указать, что в Ала-Ате к 12 часам проголосовало 98,4 процента избирателей, внесенных в списки; выборы здесь фактически закончились уже в первой половине дня. К этому же часу в Азербайджане проголосовало свыше 85 процентов, а по всей Киргизии — свыше 93 процентов избирателей.

17 марта — последний день выборов в местные Советы — она состоится в Грузинской ССР.

Манифест Российской Социально-Демократической Рабочей Партии Ко всем гражданам России. Пролетарии всех стран соединитесь!

Томский Таежный пускани ирива чале. Благословенного правительства восток в своем ст... Сильно в духе... Манифест Российской Социально-Демократической Рабочей Партии Ко всем гражданам России. Пролетарии всех стран соединитесь!

Восстание в Петербурге было подхвачено во всех крупных центрах страны. В Москве, Нижнем-Новгороде, Ростове-на-Дону, Харькове, Париже, Екатеринбурге, Красноярске, Иваново-Вознесенске, Владивостоке — всюду рабочие совместно с солдатами и матросами свергли старую власть, создавали свою, новую — Совети.

Внесию бунтных февральских дней навски рухнул гнилые в своей основе устои царизма. Огромную роль сыграл организованый в Петербурге в разгар вооруженного восстания Манифест ЦК РСДРП(б). В этом обращении русское бюро ЦК, в состав которого входили И. М. Калинин, В. М. Молотов, И. В. Сталин, Е. Д. Стасова и другие, призывало продолжать решительную борьбу с царизмом, образовать Временное революционное правительство, установить связи с пролетариатом воюющих государств за совместной борьбы против империализма.

Оценывая февральские дни, Владимир Ильич позднее писал о них: «Революцию совершил пролетариат, он проявил героизм, он проливал кровь, он увлек за собой самые широкие массы трудящегося и беднейшего населения...»

Характерно, что победа революционных сил повсеместно и сразу же вызвала двоевластие — создание, с одной стороны, «Временного комитета государственной думы», потом Временного правительства, с другой — Советов рабочих и солдатских депутатов.

Именно Советам доверял вооруженный народ, совершивший революцию. Он видел в них тот орган власти, который должен вести страну от буржуазно-демократической к социалистической революции. Но в первый период после февральской революции Советы не оправдали надежд пролетариата.

Это объясняется тем, что соглашательские партии, которые присоединились к революции только потому, что видели неизбежность ее победы, спекулируя на демократических лозунгах, заняли в Советах видное, а в некоторых — ведущее место. Они стали настоятельно проводить там свою обычную политику соглашения с буржуазией.

ПОБЕДА НАРОДА

40-летие Февральской буржуазно-демократической революции

Г. И. ПЕТРОВСКИЙ, член КПСС с 1897 года

Сорок лет назад — 12 марта 1917 года — свершилось событие огромного исторического значения для нашей Родины. Восставший народ, рабочие и крестьяне в солдатских шинелях совершили революцию, подготовленную всем ходом развития, подготовленную всем ходом развития страны, — свергли самодержавие, вековой оплот капиталистического, помещичьего и национального гнета. Февральская революция превратила Российскую империю в буржуазно-демократическую республику, самую свободную из всех восточных тогда стран мира. Героическим этой революции явился героический рабочий класс нашей страны, воплотивший в жизнь великую ленинскую идею о союзе с широчайшими массами крестьянства.

Пример русского народа, свергнувшего царизм, оказал большое революционизирующее влияние на все страны мира. Участие русского пролетариата в революции, его решающая роль в ней воодушевили пролетариаты всех стран. Падение русского царизма — жандарма Европы, душителя всего прогрессивного в мире — благотворно сказалось на подъеме рабочего движения в странах Европы, на пробуждении активности и революционно-освободительного движения народов Востока.

Февральская революция горячо приветствовалась и была поддержана прогрессивными людьми всего мира. Она сыграла большую роль в широком международном движении против империалистической войны, усилив антивоенные настроения среди солдат всех воюющих государств.

В IV государственную думу вошла небольшая группа депутатов-большевиков. Как депутаты, приступившие к своей работе в конце 1912—начале 1913 года, мы имели возможность быть ближе к действительному положению дел царской России, которое сознательно скрывалось от народа. А положение трудящегося в стране в те годы, как экономическое, так и политическое, быстро и резко ухудшалось. В рабочих и крестьянских массах неуклонно нарастали недовольство существующим тяжелым положением, ненависть к деспотическому строю.

Застрашеившим активной борьбы против царизма выступил пролетариат. В эти годы по всей стране прокатилась и уже не утихла до самой революции волна рабочих забастовок. Они проходили с требованиями улучшить положение трудящихся, повысить заработную плату, предоставить больше прав профсоюзам, ввести восьмичасовый рабочий день и др.

Отказываясь на призывы забастовщиков, большевики-депутаты часто выезжали в рабочие районы страны. Там мы могли видеть, как быстро растет рабочее движение, как зреет революционный подъем. Если полиция арестовывала рабочих-партийцев, то их место тутчас занимали другие. Если полиция удавалось найти и разгромить подпольную типографию, то рабочие помогали партии организовать 2—3 типографии. Когда президент Франц Пуанкаре с отрядом кораблей французского и английского флотов прибыл в Петербург, чтобы втянуть Россию в будущую войну, то рабочие организовали почти всеобщую забастовку, а на Выборгской стороне построили баррикады против полиции и казаков.

НОВОСТИ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ

Речь идет о том, чтобы любой москвич имел возможность узнать о предстоящем выходе книги, заказать ее в одном из ближайших наших магазинов. Но, спросите вы, как он может узнать, какие выйдут в ближайшие месяцы или недели книги? По годовым издательским планам и бланкам заказов, которые получают магазины. Надо, значит, сделать так, чтобы эти планы и заказы стали известны не только книготоргующим организациям, но и покупателю. Мы в виде опыта ввели такую систему предварительных заказов в магазине № 8. Здесь покупатель может ознакомиться с планами издательства, приобрести в насте почтовую открытку, написать свой адрес и название нужной книги. Когда она поступает в магазин, заказчик оповещается об этом. В магазине № 8 некоторые книги полностью расходятся по предварительным заказам. Пока это научно-техническая, педагогическая, политическая и иностранная литература. В дальнейшем предполагаем принимать заказы и на художественную литературу. Такой же опыт проделан, как известно, с некоторыми подписными изданиями. Раньше

Решено, например, в течение нескольких лет резко увеличить количество книжных магазинов, предоставить новые помещения для выдачи подписных изданий, открыть первичные в столице книжные универсальные магазины, практиковать предварительные заказы на книги и т. д. Мы попросили рассказать подробнее о некоторых из этих новшества заместителя директора Москкиноторга А. Коромару. Вот что она сообщила.

ВЫБОРОМ ИЗДАНИЙ

Здесь будут продаваться книги, вышедшие во всех союзных республиках, краях и областях.

ИНТЕРЕСНЫЙ ОПЫТ

Решением исполкома Москкиноторга предложено шире применять новые формы и методы торговли — книжные базары и специальные киоски на предприятиях, площадях, в парках, рабочих поселках, привлечь к распространению книг молодежь и общественные организации. Кое-какой опыт в этом отношении у нас уже имеется. При некоторых магазинах существуют советы содействия, состоящие из постоянных покупателей и представителей общественных организаций. Советы помогают директорам магазинов составлять заявки на книги, организуют пропаганду новых изданий, выявляют спрос и т. д. Этот опыт будет расширен.

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ НАША ШКОЛА

РИГА. (Наш корр.) Мы уже сообщали о состоявшейся в местном клубе писателей встрече с министром сельского хозяйства республики. Учительской коллегии писателей и журналистов был приглашен министр просвещения В. Самсон. Народное образование в Латвии за годы советской власти шагнуло далеко вперед: если в 1917 году в стране было всего 11 школ, то сейчас их — 253. Только в вечерних школах рабочей молодежи обучается 15 тысяч человек — столько, сколько учились во всех гимназиях буржуазной Латвии.

Но наряду с успехами есть и проблемы, есть нерешенные вопросы. Так, некоторые школы все еще вынуждены проводить занятия в два, а в некоторых в три смены. В ближайших годах предусматривается ликвидировать последнюю смену. Какое количество школ будет построено в ближайшие годы? Какую роль должна сыграть школа в формировании личности нового человека? Эти вопросы являются актуальными для нашей страны. Мы считаем, что они должны быть предметом обсуждения на страницах «Литературной газеты», и выражаем сожаление, что в этой дискуссии не участвует педагогическая пресса. Мышлет нормальной формой в Латвии отдаленных учащихся. В школьных программах много лишнего, существует параллелизм. В латвийских школах преподавание ведется на русском языке. Каким образом можно сохранить 11-летнее обучение. На вопрос, заданный по этому поводу, министр ответил, что никто не собирается ликвидировать 11-й классный набор, ведь мыслит идти о том, чтобы со временем его более увеличить срок обучения в средней школе.

НАСКОЛЬКО УСПЕШНО ШКОЛА ПОДГОТОВЛЯЕТ МОЛОДЕЖЬ И КАКИМ

Ответа на этот вопрос, министр отметил, что до сих пор школа готовила, главным образом, людей к поступлению в вуз. Их знания недостаточны для практической деятельности. Министр отметил важность дискуссии «Какая нужна школа?», начатой на страницах «Литературной газеты», и выразил сожаление, что в этой дискуссии не участвует педагогическая пресса. Мышлет нормальной формой в Латвии отдаленных учащихся. В школьных программах много лишнего, существует параллелизм. В латвийских школах преподавание ведется на русском языке. Каким образом можно сохранить 11-летнее обучение. На вопрос, заданный по этому поводу, министр ответил, что никто не собирается ликвидировать 11-й классный набор, ведь мыслит идти о том, чтобы со временем его более увеличить срок обучения в средней школе.

НАСТОЯЩИЕ ХОЗЯЕВА

Л. ЛЕБЕДЕВА

«Человек живет в своих делах... Это слова героя из романа латышского писателя Визбула Берце «Будущее начинается сегодня». Можно по-разному понять и раскрыть смысл этого утверждения. Берце хотел сказать им: характер труда, в самом широком смысле слова, принципы и стиль отношения человека к тому, что, как и во имя чего делает он сам и что делают другие, влияет на его склад, на психологию, определяет его позицию в жизни.

Роман «Будущее начинается сегодня», написанный несколько лет назад, латышская критика справедливо нашла схематичным, упрекая автора в том, что описание технических процессов затонуло в той книге, по существу, остались лишь фразы, художественно они выражены не были. Но они почти с полным основанием могли бы стать эпиграфом к новому роману В. Берце «Вышли мы все из народа», недавно изданному в русском переводе. «Почти» сказано не случайно: и в новом произведении Берце есть художественные слабости — и значительные. Но удач в нем больше, чем недостатков, и это хочется подчеркнуть в первую очередь.

Книга о настоящих хозяевах жизни — так нужно определить суть романа. Книга о тех, кто строит и переделывает жизнь своими руками, о людях, которые впервые получили возможность направлять развитие действительности и проявляют себя как хозяева в создании нового, в борьбе с остатками старого.

О старых временах и старых хозяевах говорится в нескольких местах книги. Ведь для Латвии это не столь уж далекое прошлое. Память о нем сохранили все действующие лица романа, но память разную. Один — бывший подполковник Думинс, старый рабочий Олинс, дочь батрака-крестьянина Вирута Поринь — в полной мере, на собственном опыте пережила несправедливости буржуазного уклада. Другие — помоложе — знали и понимали это меньше. Есть и третьи — например, бывший фабрикант Витяньс — внешне видоизменившиеся и приспособившиеся к новому строю представители старого мира, а есть и такие, в ком прошлое оставило особенно явные погрешности. — директор завода «Мотор» Коле — карьерист и делала, бюрократически мыслящий и действующий работник горкома Руминт.

Тем, кто создает новое, приходится сталкиваться, бороться с пережитками только-только ушедшей старой буржуазной Латвии, — это неизбежно. И в этой борьбе происходит их становление как хозяев жизни. Тема, избранная В. Берце, — интересная и острая; действительность современной Латвии давала и дает писателю большой материал для такого художественного исследования.

Пожалуй, наиболее удался В. Берце образ главной героини книги — молодой работницы Вилмы. Она совсем недавно окончила ремесленное училище, пришла на большой завод. Человек она безусловный честный, работящий. Но как большинство очень молодых людей, Вилма в начале своего самостоятельного пути смотрит главным образом на себя и на себя, она еще только учится брать у жизни то, что потом, гораздо позже, даст ей возможность самой помогать людям, приносить им пользу, быть нужной им.

Вилма родилась в семье потомственных рабочих: она видела старую жизнь, но видела ее в свои детские годы, ее многого не понимала. Именно поэтому, а не только по молодости и неопытности своей, она посчитала, что хозяйкой в новой жизни станет легко и просто. Оказалось, это не так-то просто, что эту позицию, это право надо завоевать. В первое время работы на заводе Вилма быстро добивается успехов, становится известной. О ней говорят, ее хвалят, выдвигают депутатом райсовета, хотя, быть может, несколько преждевременно — ведь трудовые успехи Вилмы это лишь первые удачи. Но самой Вилме кажется, что она уже очень много знает, может, умеет, что она такая самостоятельная и ни в чей помощи не нуждается... «Сколько вам, товарищ мастер, потребуется валов? Десять? Прекрасно, Вилма Лининь привоет двадцать!» И когда приходят первые неудачи — и не только на заводе, но и в депутатской работе, в которой Вилма вначале увлекается «внешними эффектами» — девушка теряет, горючит, сердится. Немало времени пройдет, прежде чем Вилма поймет всем существом,

В. Берце. «Вышли мы все из народа». Москва. «Советский писатель», 1956. 470 стр.

всей душой своей поймет, что такое настоящее внимание к людям, что такое действительное упорство (а не принимаемые за него упрямство и стремление к налету, без действительного опыта и мастерства добиться чего-то), что такое работа не только рядом, но и вместе с другими. Она увидит, насколько сложны и ответственны — а не только почетны — обязанности депутата. И всему этому по-настоящему будут учиться ее люди, с которыми она сталкивается и на заводе, и там, куда приводит девушку ее депутатские дела.

От первых к последним страницам романа все шире и шире становится круг таких людей, все более широкая и разнообразная картина жизни развертывается перед нами. В Берце постепенно ведет читателя от событий менее значительных к более значительным, вводит в повествование все больше действующих лиц, делает сюжет все более многоликим — это вполне оправданно и замыслом, и темой, и материалом произведения.

Писатель стремится показать, что настоящие хозяева не могут оставаться равнодушными ко всему не нашему, чуждому, не советскому, в чем бы оно ни проявилось — в большом или малом. Не безразлично старому Олинсу, что несправедливо уволен с завода его товарищ по работе; не безразлично Вируте Поринь, что в детском доме, где она работает, директорша Стопне не воспитывает, а уродует детей. Коммунист Думинс видит и понимает, что неправильно, но по-советски идут дела на большом заводе «Мотор», — и не может не бороться с этим, хотя в силу некоторых обстоятельств эта борьба грозит ему лишь большими неприятностями.

Конфликт, связанный с положением дел на заводе «Мотор», намечается еще в первых главах романа. Казалось бы, все обстоит благополучно. Завод на хорошем счету, с его директором Коле считаются, идут ему во многом на уступки. Председатель райисполкома Думинс несколько раз сталкивается с Коле из-за того, что директор не совсем законными методами добивается успехов на заводе. Коле удается отвести от себя удары и даже «переадресовать» их тому же Думинсу. В первых главах романа мы самого Коле почти не видим; о нем, о его поступках больше рассказывают другие. И в такой характеристике намечается, кажется, интересный образ.

Коле грубо утверждает на заводе свою административную диктатуру, утверждает лишь во имя себя и для себя, для того, чтобы удержаться в директорском кресле, он решителен, но это решительность выскочки-наглеца; он старается действовать не прямо, а в обход. Такие, как Коле, — это пена, выплывающая на поверхность в начальный период строительства Советской Латвии. Писательские средства Коле и ему подобны — это чинившиеся безразличиями, как Руминт, это остатки старой холмопсихологии у людей. Не случайно производством на заводе у Коле завелует бывший фабрикант Витяньс — приспособленец, спекулянт.

Разоблачение Коле начинается уже в первой части книги. И столкновения с Думинсом, и отношения Коле с рабочими, инженерами завода, и махинация, в которой прибегает директор и его «доверенные», чтобы творить благополучные сводки и отчеты, — весь этот клубок разматывается и разматывается. Но художественность решения конфликта не в дальности, тем больше утрачивается. Не моральный крах Коле как социального типа, возникшего в конкретных исторических условиях, показывает В. Берце, а просто крушение карьеры довольно мелкого жулика. Впечатление это тем более усиливается, что само «падение» Коле изображено совсем протокольно, очень бедно и неубедительно. Все укрупняется, по существу, в один краткий разговор Коле с секретарем райкома партии Дорининым.

«Доказано, что на «Моторе» глубоко укоренились антигосударственные методы и в руководстве и в организации производства. Доказано, что вы сами не только поддерживали, но даже насаждали такие методы...» Доринин перешел на «вы», говорил резко. Поблескивали стекла его очков. — Доказано, что завод неоднократно давал неправильные сведения о выполнении плана, и что вы об этом знали, мало того — давали и сами

распоряжения о подготовке фальсифицированных отчетов. Доказано, что вы зажимали критику и сводили счеты с людьми, осмелившимися поднять против вас голос... Выводы ясны. Я лично считаю, что у вас нет ничего общего с партией, что вы вовсе не коммунист. Наша ошибка, что мы так долго не сумели разглядеть ваше подлинное лицо...

Коле только смог проворчать: — Ничего еще не доказано».

Можно отметить как несомненно удавшийся Визбулу Берце образ Думинса. Удавшийся привлекательной своей романтической верой в правду партии, правду нашей жизни человека; интересна фигура Вируты Поринь — вначале это воспитательница, потом вводящая детдомом, натура очень цельная, честная до фанатичности. Хорошо написан Эмар Мазок — первая, чистая и немного наивная любовь Вилмы — красивый, удачливый, внешне обязательный юноша, а в душе — эгоист и карьерист. Он мастер устраивать шумуху вокруг своих даже самых малых достижений, он умеет, когда это нужно, инспирировать достижения. Работая секретарем комсомольской организации на заводе «Мотор», Эмар легко и вполне закономерно находит общий язык с Коле и вместе с Коле терпит крах. В отношении с Вилмой он тоже проявляет себя как карьерист. Ему нужно, ему импонирует общественное положение Вилмы. Но Вилма оказывается в числе тех, кто раскрыл действительное положение дел на заводе «Мотор», а значит — препятствует карьере Эмара. И Эмар грубо, истерично порывает с ней.

Даже сугубо эпизодические персонажи «не имеют права» в романе «случайными прохожими». У В. Берце действующих лиц очень много. Насколько нужен и закономерен каждый образ в сюжете? Если посмотреть на тех, кто играет в сюжете романа второстепенные или даже третейственные роли, то и тут мы найдем очень характерные, органично вплетенные в ткань произведения фигуры и ряды — какие-то бледные тени, вызывающие досаду своей неуместностью.

Всего несколько раз появляется на страницах романа старый рабочий Олинс, молчаливый, строгий человек; в прошлом он помогал подполковнику, а когда-то Думинс в доме Олинса скрывался от полиции. Сказано об Олинсе немного, но это — характер, и какой еще: он тоже относится к числу настоящих, бескорыстных хозяев. Мы все время помим о нем, чувствуем его рядом с главными героями. Возьмем другое действующее лицо — санитарного врача Эмералиса. Этот прямой, немного шумный, энергичный человек нарисован несколькими штрихами — и живет! Образ Эмералиса помогает многое уяснить в характере Вируты Поринь: ведь именно встреча с Эмералисом, дружба с ним раскрепощает ее тепло, женственное, что есть в натуре замкнутой, нежной Вируты. А вот, скажем, легкослезливая Зента Дземеле, которую перероспитывают долго — и довольно нелепо — все положительные герои романа, или Женя Витяньс, или подруга Вилмы Визма — они воспринимаются весьма туго, несмотря на то, что автор очень настойчиво подчеркивает их внешнюю характерность. Эти внешние приметы образа часто таят в себе для писателя немалую опасность. Ими пытаются иной раз оживить одеревеневший штамп, но это никогда не удается и только оставляет впечатление чуть ли не вымученности образа.

В Берце довольно скуп на пространные пейзажные или портретные описания, и вряд ли можно упрекнуть его в этом. Но он пока еще, к сожалению, скучен на тонкую, яркую, определяющую деталь. У него есть в этом удачи, и их не так-то мало, но зато и много банального, особенно в описанных действиях героев. Иногда банальное переходит прямо-таки в пародийное: «Отдохнувшее тело, только что поднятое от сна, с каждым шагом все больше вживалось в ритм дня», или: «Миля Варпа, притворившись глупо, глубоко глотнула воздух, и ее мощная грудь высоко приподняла полы незастегнутого пальто». Вряд ли можно тут сетовать лишь на перевод, хотя и переводчик, конечно, не проявил себя здесь как редактор.

В заключение хочется сказать, что роман В. Берце — интересная, хотя и неровная книга. Автор ее хранит неизменяемую верность современной теме и в поисках ее совершенно художественного решения все время идет вперед, — это радует.

КИНО ОБРАЩАЯСЬ К ИСТОРИИ...

Демонстрировавшие недавно на киноэкранах фильмы «Павел Корчагин» и «Юноша обращаясь к истории»...

Кадр из фильма «Павел Корчагин»

Сейчас, после того, как нашей партией осужден диалектический подход к истории и мы стоим на прошлом с новых исторических высот, от художника требуется глубокое осмысление процессов, происходивших в те годы, свой художнический взгляд на события, способный показать большую правду эпохи, открыть в судьбах, путях людей революции такое, что сегодня для нас является серьезным жизненным уроком, прозвучит для нынешнего и будущих поколений поучительным напоминанием.

То, что молодые режиссеры А. Алов и В. Наумов в содружестве со сценаристом К. Исаяевым сделали за экранизацию романа Николая Островского «Как закалялась сталь», честно говоря, у многих вызвало сомнение: уж слишком знакомы и близки всем образы книги, ну что нового можно сказать о ее героях? Авторы картины не сбавились легким путем кинематографической иллюстрации романа. Они сумели взглянуть на события, описанные Островским, по-новому, и это позволило им наполнить новым содержанием тему героического революционного подвига народа.

Пожалуй, для многих из нас самым ярким символом эпохи гражданской войны стал образ Чапаева, запечатленный в неуемном фильме братьев Васильевых. В развешивающейся на ветру черной бурке, весь — порыв, жажда схватки с противником, — такой Чапаев (тем более, что в фильме он показан без лишней выспренности и нарочитой торжественности, психологически проникновенно) живо воплощал героические черты своего времени.

Эту пору, напоенную яростными схватками и хлебом боевых побед, пережил и Павел Корчагин. На разгоряченном юном, с хриплым криком «Даешь!» мчится он в ряды комаровцев и напряженный, захватывающий ритм кадров настоящего Первого Конной передает нам романтический пафос тех дней.

Но было и другое. Разруха, Холод. Голод. И кто знает, может быть, легче принять смерть в горячем бою, чем найти в себе волю, ежедневно и ежечасно сталкиваясь с немощными трудностями, не терять силы духа, упорно идти к своей цели. Героизм революции, утверждающий авторы фильма, не только самоотверженности на поле брани, подвигов на авансцене истории, это и мужественное преодоление тех препятствий, которыми полны будни жизни.

«Закала стали» — она начинается еще в госпитале, когда Павлу нужно было напрячь все усилия, чтобы победить смерть и вернуться в строй. Она продолжается в Киеве, где все говорит о тяжелых бедствиях народа. Она происходит на маленькой станции Волянка, куда приехала молодежь, чтобы выполнить задание комсомола.

Эпизод строительства узкоколейки занял в фильме центральное место — она принципиально важна для раскрытия главной мысли, идеи картины.

Изно ползут над землей переполненные влагой тучи. Хлевец в лицо беспеременно осеняет дождь. Под ногами — тяжелая, липкая глина, в которой остаются подметки сапог. Реактивный ветер срывает с ног, пронизывает холодом все тело. А в доме вместо окон и дверей — дыры, сон — на полу, вповалку... Построить при таких условиях дорогу невозможно. Но не построить — тоже нельзя: пролетарскому Киеву необходимы дрова. И каждый день снова возникают в землю кирки и лопаты, люди, усталые, голодные и больные, идут, чтобы прибавить еще один метр дороги, идут, потому что в этом их долг перед революцией.

Режиссеры и операторы (И. Минькович, С. Шахбалян) во всех деталях показывают нам тяжесть этой работы, подчеркивая непомерные трудности, с которыми пришлось столкнуться и которые пришлось преодолеть героям фильма. Это суровая правда. Жизнь требовала от людей необычайного упорства и терпения, несказанного напряжения воли, героизма... Могут, найдутся, которые скажут — не было этого. Не спали вповалку, не мерзли, не кормили вшей... Пусть помнят, пусть все помнят! — эти слова Ивана Жаркого

Заметки на полях
Спустя 1600 лет
О том, что молодость и красота — лучшее из человеческих даров, известно с библейских времен. Не ново и то, что молодость и красота, как и горестно, переходящая на нашей несовершенной планете. Об этом с грустью, с большой художественной силой написали поэты немало строк. Обращаясь к вечным раздумьям о молодости, любви, браке и римский поэт Деций Магн Асоний. Хорошо чувствуя разрушительную силу лет, старик Асоний не смотрел, однако, на мир с мрачной безнадежностью. Он справедливо хотел, чтобы молодые люди сохраняли молодость души. Приведем для примера его стихотворение «К своей жене»:

Будем жить, как мы жили, жена!
Тех имен не оставим,
Что друг для друга нашли
В первую брачную ночь!
Да не настанет тот день,
Юношей я для тебя,
Легушкой будь для меня!
Если бы старше я был, чем Нестор,
Кумскую ты превзошла возрастом,
Что до того!
Знать мы не будем, что значит
преклонная старость!
не лучше ль,
Веля цену годам, счета годов не вестя!
Сквозь старинную форму стиха мы и сейчас чувствуем мудрость и душевную красоту, им запечатленную. Нам кажется, что очень молоды эти древние стихи и вполне созвучны нашему времени.

Но, может быть, мы ошибаемся, и Асоний — старомоде? Ведь пишут же о молодости, счастье, брачных отношениях совсем по-другому. Вот смотрите:

Так годы прошли,
Муж тяжелой рукой
Привычно, между зевот,
В постели обнимет, но дорогов,

можно поставить эпиграфом к фильму. Замысел картины определил и ее художественные находки и утраты. Фильм выдержан в одной суровой, почти трагедийной тональности. Романтическому взгляду страстей авторы предпочитают внутренний накат чувств, улыбок — крепко сжатые губы. И потому, быть может, остались за пределами фильма и поэзия первого чувства Павла, и его мальчишеское озорство, и юношеская непосредственность. Напротив, в резком экспрессивном рисунке возникает образ человека сосредоточенного, пожалуй, сурового, мысль, воле, чувства которого предельно неуслезательны. Молодой артист В. Лановой создал характер сильный, возвышенный, хотя, конечно, его исполнение не хватало тонких психологических оттенков. Образ убедителен, но недостаточно емко. Да, герой фильма в чем-то непохож на героя книги. Однако не важнее ли то, что в самостоятельном кинематографическом решении темы романа создатели картины остались верны его духу?

Жизнь широка и многогранна. Авторы фильма «Павел Корчагин» увидели в эпохе, к которой они обратились, прежде всего огромные испытания, величайшие трудности. И это была правда. Но вот в картине «Пост» драматург В. Катаев и режиссер Б. Барнет воплотили иные черты времени: атмосферу активной, кипучей деятельности, того бурного водоворота событий, который целиком захватывал и подчинял себе человека. И это тоже правда.

Изюбрил фильма — светлые, мажорные краски южного города, его напоенные светом улицы и площади, искрящиеся на солнце море — последовательно созданный оператором В. Николаевым, напряженный ритм, картины помогают передать приподнятое, жизнеутверждающее настроение людей, творивших революцию.

Когда смотришь на Николая Тарасова (в этой роли с большим успехом выступил молодой артист С. Дворцакий), отлично понимаешь, почему так блестяще его глаза, озарены светлой улыбочкой лица, почему так звонко и вдохновенно звучит его голос. Это голос поэта, сердцем почувствовавшего и принявшего революцию, переполненного радостным сознанием того, что он вступает в новую эру жизни, удивительно заманчивую и привлекательную.

В образе Коли Тарасова раскрыта юность нового мира, его красота, его сила. Характер романтически приподнят, но не оторван от земли. Он органично сливается с живым течением событий, и многое в Тарасове мы понимаем, обращаясь к самой эпохе.

Режиссер берет яркие тона, динамичные решения. Яркость не переходит в пышность, стремительность — в скоророговку. В приподнятом звучании фильма нет фальшивых нот самоуспокоенности.

Ярко голубое небо. Красные знамена, пестрые лозунги, плакаты, цветы. Гремат оркестры. По улицам южного города идут шумные, нарядные колонны перемаяской демонстрации. И среди них вдруг строгие черные бушлаты моряков, твердая, ченная поступь — как напоминание о том, что враг еще не разбит, борьба продолжается. И голос Тарасова: «Товарищ, праздная Первый май, вытвитую из рук не выпускай!»

Слишком героя с эпохой, единство народа и революционного поэта — эта тема поднята в картине с большой страстностью. И создатели «Поэта», и авторы фильма «Павел Корчагин» не подняли героев над массами, не вывели их из общих рядов: Корчагин и Николай Тарасов шагают в одной шеренге со своими товарищами, воплощая в себе лучшие качества народа.

В нашем революционном прошлом еще много страниц, непрочитанных мастерами кино. И на примере этих двух фильмов видно, как по-разному можно, как по-разному революция в искусстве, как по-разному черпая тему Октября для художника, который не просто воспроизводит факты истории, а стремится увидеть их глазами человека сегодняшнего дня.

Н. ИГНАТЬЕВА

На ленинградском заводе «Монумент-скульптура» по модели скульпторов С. Гулиева и А. Мирнасимова отлит паплетин В. И. Ленин у д. города Сестрорецка (Нагорно-Карабахская автономная область). Высота бронзовой фигуры пять с половиной метров. На снимке: чеканщик П. Махов (слева) и В. Комиссаров за отделкой скульптуры.

В ДОЛГУ ПЕРЕД ЧИТАТЕЛЕМ

НОВОСИБИРСК. (Наш корр.). Здесь состоялось отчетно-выборное собрание местного отделения Союза писателей, на котором присутствовало много молодых литераторов, представителей общественности. С отчетным докладом выступил секретарь правления А. Смердов.

Отраден тот факт, отметил он, что литераторы Новосибирска стали активной работав. Писатели, в особенности прозаики, смелее, шире вторгаются в жизнь. Докладчик называет получившие признание читатели очерки С. Залыгина, П. Воронина, А. Куликова, Н. Мейсак и других, роман сибирского писателя старшего поколения А. Коптелова «Сад», книгу С. Кожевникова о Китае «Юнь-тун перелетает горы», произведения Г. Федосеева, К. Урманова, В. Лаврентьева. Вместе с теми писателями-сибиряками все еще находятся в большом долгу перед читателями. За последнее время не созданы произведения, рисующие грандиозные свершения на просторах социалистической Сибири, сколько-нибудь значительные книги о рабочем человеке — основном герое наших дней, нашей литературы.

— Главная задача писателя — утверждать новое, — сказал П. Воронин. — Критиканство и нигилизм должны быть глубоко чужды советскому писателю, если он хочет идти в ногу со всем советским народом.

Е. Лучинский резко критиковал правление местного писательской организации, которое не руководило работой литературных объединений. О необходимости широкого обсуждения произведений новосибирских писателей говорил А. Никулович. С. Залыгин повесил свое выступление в журнале «Сибирские огни». Журнал, по его мнению, еще слабо привлекает способную литературную молодежь, мало работает с ней. В. Лаврентьев в своем выступлении подчеркнул, что критика должна направлять работу писателя, помогать ему в создании образа положительного героя.

Секретарем правления Новосибирского отделения СП избран С. Кожевников.

100-летие со дня смерти Закира

В Баку в Институте литературы и языка имени Низами Академии наук Азербайджана состоялась научная сессия, посвященная столетию со дня смерти классика азербайджанской поэзии XIX века Касум-бека Закира.

На сессии были заслушаны доклады о значении творчества Закира в азербайджанской литературе, о его роли в развитии азербайджанской сатиры и т. д.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через «Литературную газету» выразить сердечную благодарность организации, учрежденной друзьями и всем читателям, приславшим мне поздравления и приветствия в связи с пятидесятилетием со дня моего рождения и награждением орденом Трудового Красного Знамени.

Евгений ПОПОВКИН

Галимджан Ибрагимов

С портрета смотрит человек средних лет с черными, зачесанными назад длинными волосами. Кажется, что устремленные на вас из-под густых, чуть нахмуренных бровей глаза — в них мелькает еле заметная искорка юмора — видят то, что может быть, не всегда доступно другим. Широкий лоб и немного строго красивое лицо светятся каким-то ободрающим, радостным светом. И думается, что человек этот знает нечто такое, что делает людей счастливыми, хорошими.

Это выдающийся татарский писатель и ученый Галимджан Ибрагимов. Весь свой огромный талант литератора и незаурядные организаторские способности, свой пылкий ум и горячее сердце коммуниста он отдал неутомимо труду и борьбе за счастье своего народа, за расцвет татарской национальной культуры. Он был исключительной целевой натурой, человеком, непримиримым к несправедливости, ханжеству, лицемерию. Его литературное творчество — это постоянные поиски правды.

Среди учащейся татарской молодежи, разбуженной первой русской революцией и понимающей необходимость бороться не только против несправедливого царского режима, но и против религиозно-мусульманского фанатизма, реакционной средневековой схоластики татарского медресе, Г. Ибрагимов был одним из самых решительных и активных. Как одного из тех, кто организовал шажкоров на борьбу со старыми порядками, его исключили из медресе в Оренбурге. Юноша Ибрагимов поехал в Уфу, в медресе Галия. Но предчувствуя, что и здесь его ожидает та же участь изгнания, он сам покинул это медресе и, решив продолжить

учебу на русском языке и серьезно заняться литературой, поселился в Казани. Но ненадолго. В 1912 году он переехал в Киев, где через некоторое время попал в тюрьму как один из членов тайного студенческого общества. После освобождения Ибрагимов снова возвращается в Казань.

С самого начала творческой деятельности Г. Ибрагимов стал искать героев своих произведений среди людей, сильных духом, стремящихся вперед, способных встать против захла, старой жизни. Первый его рассказ, повестующий об изгнании шахрида из медресе, выражает протест против косных устоев, сковывавших личность, прехватываясь к борьбе за свободу, за раскрепощение личности. Но наиболее зрелые, лучшие свои произведения писатель создал после Великого Октября. Среди них — роман «Глубокие корни», посвященный изображению борьбы деревенской бедноты за новую жизнь. Эта книга своей идейной насыщенностью и высокими художественными достоинствами завоевала в татарской литературе особое место и пользуется популярностью не только в Татарии, но и во многих других братских республиках.

У Г. Ибрагимова выдающийся талант художника слова счастливо сочетался с глубоким знанием народной жизни, с большой эрудицией в различных областях гуманитарных наук. Продолжая начатую крупнейшим татарским просветителем Касумом Насыровым разработку проблем родного языка, Г. Ибрагимов создал научную грамматику татарского языка. Он написал ряд ценных трудов по истории народа и революционному движению, по истории и теории литературы. После революции он долгое время возглавлял академический центр в Казани, руко-

вел комиссию по изданию трудов В. И. Ленина на татарском языке, был инициатором многих культурных начинаний в молодой советской республике. В 1932 году Галимджан Ибрагимов был присвоен звание Героя Труда.

После 20-летнего перерыва в Казани издан трехтомник избранных произведений Г. Ибрагимова. Это — значительное событие в культурной жизни Татарии. Можно смело утверждать, что без Г. Ибрагимова вообще невозможно представить историю татарской литературы. Если о Тукае можно сказать, что он открыл поэзию народа, то Г. Ибрагимов открыл ее прозу. Правда, в татарской литературе прозаические произведения и до него занимали значительное место. В ней были романы, повести, рассказы, небольшие художественные достоинства. Г. Ибрагимов, опираясь на богатые традиции татарской литературы, творчески усвоив достижения передовой русской и мировой литературы, дал татарской прозе новое, большое, современное звучание.

Г. Ибрагимов — блестящий стилист, мастер композиции. Большие социально значительные события он умел раскрывать в яркой, общедоступной, глубоко национальной форме. Уже с первых страниц его произведений читатель становится активным участником описываемых событий. Язык писателя поражает простотой, богатством оттенков, музыкальностью. Читатель даже хорошо знающий татарский язык, с радостью открывает в языке Г. Ибрагимова целый мир неожиданных находок, счастливых удач и удивительно свежих, разнообразных, новых отгенок.

Г. Ибрагимов родился 12 марта 1887 года и ушел от нас в расцвете творческих сил в 1938 году. Общественность Татарии широко отмечает сейчас 70-летие со дня рождения этого классика татарской литературы, крупного ученого и общественного деятеля.

Гумер БАШИРОВ

ФРАНЦУЗЫ И „ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЙ РЫНОК“

Дорогие друзья! Я получил вашу любезную телеграмму с лестным для меня посланием: «Просим написать статью на тему: реакция французской общественности на решение о создании «общеевропейского рынка» и франко-американские переговоры». Я тотчас же взялся за перо, и перо мое само написало следующую статью, которую вы, быть может, ждали. Вот она, эта статья.

«Славные сыны французского народа с восторгом узнали, что по приказу англо-американских поджигателей войны социалистическое правительство Франции готовится ратифицировать позорные соглашения об «общеевропейском рынке». Премьер великих революционных традиций не допустит, чтобы франко-американские переговоры оказались новым шагом по пути заблуждения нашей страны. Выражая волю миллионов простых людей и миролюбивых народов, они требуют обеспечения и сохранения независимости нашей страны».

Но, дорогие друзья! Не публикуйте эту статью без вышедших комментариев, которые вы сейчас от меня услышите.

Официальный орган социалистической партии газета «Попюлер» в течение двух дней трубаду побед. Она заявила, что поведет Ги Молле и Пино в Соединенные Штаты носом «триумфальный характер». За два дня, таким образом, были превзойдены все международные рекорды гротеска. После этого «Попюлер» сочла за благо переменить тему. Но оставшаяся печать, в отличие от «Попюлера», подчеркивала трудности, встающие перед г-ном Ги Молле после его возвращения в Париж. Старые реакционные силы, которым Ги Молле вновь рстачал улыбки и у которых он столь часто шел на поводу, теперь требуют, чтобы он пошел дальше по тому же пути.

В действительности, французский народ отнюдь не устранил гримасальной встречи господ Молле и Пино, когда они сошли с самолета на французскую землю, но он и не оставил их. Возвращение этих господ прошло совершенно незамеченным. Я полагаю, что большинство людей испытывает к этим министрам полнейшее безразличие с некоторым оттенком презрения.

Что же касается вестей о создании «общеевропейского рынка», то они лишь незначительно взволновали народ. На это имеется много причин. Основная причина в том, что французы очень мало знают о деятельности правительства и к тому же весьма мало разбираются в этом. С другой стороны, война в Алжире привела к вздорной жизни, и у французов появилось много других дополнительных забот. Верно то, что г-н Рамале весьма ловко жонглирует статистическими данными и индексами, дабы воспринять какую бы то ни было повышение заработной платы (во что значит быть социалистом!). Однако любой, даже самый невежественный больной понимает, что для того, чтобы сбить жар, недостаточно изменить градусную шкалу на термометре.

Я боюсь разочаровать ваших читателей, я знаю — они чрезвычайно высокого мнения о моих соотечественниках. Они, вероятно, считают, что «общеевропейский рынок» — предприятие столь же опасное для будущего Франции, как и для интересов всеобщего мира, и что проявление апатичности со стороны французов в нынешней обстановке достойно сожаления.

Эта апатия — лишь внешняя и вообще мало показательная, так как она проявляется лишь по отношению к проекту Евратома, а также к другим сложным и малоизвестным планам. Надо учитывать также, что из каждых десяти французов девять не читают прогрессивных газет, иначе говоря, читаются антикоммунистической прессой, стремящейся отвлечь рядовых людей от серьезных национальных проблем. С другой стороны, самый влиятельный информационный орган — радио — не позволяет обращаться к радиослушателям представителям какой-либо другой точки зрения, кроме правительственной.

Но надо видеть и другое: государственные служащие бастуют; возникли волнения среди горняков; домашние хозяйства также проявляют недовольство. На первый взгляд может показаться, что волна экономических требований не имеет никакого отношения к проблеме «общеевропейского рынка». Однако это движение препятствует быстрому осуществлению «европейских» замыслов. Вынужденное представление гражданам свои объяснения, французское правительство своими заявлениями и максималистскими невольными проливает некоторый свет на важнейшие проблемы, вследствие чего общественность получает более ясное представление о происходящем.

Повсюду во Франции люди различных политических взглядов возлагают вены к подножия памятников погибшим за родину, прекращают небольшие бюджеты к мемориальным доскам жертв фашизма. На лентах, скрепляющих вены, написано: «Шпейдела — за верь!».

В квартале, где я живу, можно увидеть ленточку с фотографией дома, из которого в свое время ушло 112 человек. Эти люди больше не вернулись домой. Среди них было 40 маленьких еврейских детей, видимо, заживо сожженных в кремационных печах. В память о погибших на доме бы-

ла установлена мемориальная доска. «Должны ли мы сорвать эту мемориальную доску, чтобы не вызвать раздражения со стороны гитлеровского генерала Шпейдела?» — иронически спрашивает автор листовки. Назначение Шпейдела — это весьма острый аспект «общеевропейского рынка».

Сыновья расстрелянных гитлеровских патриотов торжественно заявили в письме к президенту республики, что они отказываются служить под началом убийцы их отцов. Один из этих юношей возвратил властям присланную ему повестку о приеме в армию. Будем ли мы свидетелями того, как французские власти арестуют молодого француз за отказ подчиниться фашистскому генералу?

Вы видите, что «общеевропейский рынок» не вызвал массовых демонстраций протеста, однако это предприятие пользуется весьма незначительной популярностью. Особенно недовольство вызывают в народе вполне ясные и осязаемые последствия этого проекта.

Перейдем к франко-американским переговорам. Если помните, газета «Попюлер» характеризовала их, как «триумф». Это верно, но верно лишь в том смысле, что

результаты этих переговоров явились триумфом для американцев. Все французы, которые не сотрудничают в газете

«Попюлер», а также, как вы догадаетесь, большинство, раздражены или попросту возмущены исходом этих переговоров. Во Франции много людей с демократическими взглядами. Для них Америка олицетворяет отказ от разоружения, экономическое и политическое закабаление Франции. Америка, считают они, провоцирует военную опасность, играя с огнем, словно ребенок со спичками, однако, в отличие от детей, она ведает, что творит.

Среди французов встречаются и другие люди, настроенные менее демократически. С тех пор как Южный Вьетнам практически перешел под контроль американских войск, и в особенности это времени суэцкой авантюры, они рассматривают покровительство Америки, как чисто фактическое. «В угоду Соединенным Штатам умирают французские солдаты — вчера в Азии, сегодня в Африке», — заявляют они. «А между тем Америка, не переставая, читает нам нотации, выходя лишь из доброго случая, чтобы отбить нас».

Если первые считают американцев невыносимыми и опасными с точки зрения

интересов мира и национальной независимости, то вторые считают американцев невыносимыми и опасными с точки зрения экономических интересов своего класса. Таким образом, весьма большое число французов настроено антиамерикански...

Поведем итоги. Нет, французский народ в целом еще не встал против «общеевропейского рынка». Но на деле он поступает так, как если бы возмущение против этого проекта уже проникло во все слои.

Нет, народ отнюдь не приветствовал поездку в Вашингтон, но он не испытывает разочарования, поскольку он и не ожидал от нее ничего хорошего.

Нет, французский народ уже не верит в великодушные американцев и в американскую дружбу, но ведь он ежeminутно, ежедневно подвергается пропагандистской обработке через правительственные газеты и радио.

Нет, проект «общеевропейского рынка» будет не так легко осуществиться.

Да, французский народ безусловно заслуживает вашего доверия. Да, дорогие друзья, я с удовольствием написал за вас эту статью.

ПРИЖИЖИ 11 марта. (По телеграфу).

О КНИГЕ ХЬЮЛЕТТА ДЖОНСОНА

Мариэтта ШАГИНИН

Советские люди знают и любят этого стройного, необыкновенно молодого для своих лет священнослужителя в рамках седых кудрей вокруг высокого лба, с живым светлым взглядом и орданым профилем. Они встречали его в Москве и в Средней Азии, на Украине и в Закавказье. Не раз поднимался он своей легкой походкой неутомимого, весь свет обезличенного путешественника в президиум Конгресса сторонников мира. И мне посчастливилось видеть, как он восходит по ступеням среди нескольких сот притихших слушателей, под кружевом перелетом необычного купола Кентерберийского собора, на свою кафедру, чтоб произнести короткое выступление к дивному «Реквиему» Брамса...

С этой кафедрой, в самом английском из городов Англии и в самом славном из ее старинных соборов — гордости английской архитектуры и истории, — Хьюлетт Джонсон много, много раз говорил проповеди. Он вкладывал в них весь свой опыт виденного и пережитого, всю свою живую душу современника, живущего на переходе двух эпох — уходящей, старой, капиталистической, и новой, социалистической. Мы не слышали этих замечательных проповедей, но их слышало множество англичан. В самые трудные моменты нашего строительства, когда на молодое социалистическое общество обрушивался поток клеветы и ненависти, с высоты церковной кафедры раздавался ясный, убедительный голос в нашу защиту. И сейчас, когда клевета опять усилилась, нам особенно отдало услышать этот голос друга и мыслителя. Он звучит как со страниц недавно вышедшей в Лондоне книги Хьюлетта Джонсона «Христиане и коммунизм», где собраны под одну обложку все произнесенные им проповеди.

Хьюлетт Джонсон — верующий христианин, он занимает высокое положение в англиканской церкви. Но христианство Х. Джонсона — особого типа. Он один из тех редких, редчайших верующих людей, кто всей своей совестью чувствует противоречие между учением Христа и церковным его воплощением: «Честный исследователь», — говорит он, — находит много поразительных расхождений между христианством апостолов и христианством Церкви, какое проповедуется и практикуется нынче (to day). Вскрывая эти расхождения на ряде примеров, он показывает, как современная церковь служит не идее добра и справедливости, а идее наживы и предпринимательства, — до такой степени явно, что частные предприниматели, имея теперь в лице официальной Церкви уже не критику, а союзника, во всю прivity пустились в погоню за наживой». Тем самым Церковь морально разоружила себя, она «отречалась от исполнения своего долга». Этот процесс измены Церкви евангельскому христианству сочетается, по Хьюлетту Джонсону, с отходом от диалектического материализма, алогичного, как он считает, в каждой настоящей религии, и с приходом к пагубному для религии идеализму и индивидуализму. Выводы Хьюлетта Джонсона о материализме и даже диалектическом материализме религии для нас неожиданны; и они совершенно противоположны нашему собственному представлению о философской сути религий. Но, оказывается, что не один Хьюлетт Джонсон думает так, а еще и другие передовые мыслители англиканской церкви. Он приводит, например, интересную цитату из архиепископа Темпла: «Если бы меня спросили, какой момент в истории Европы был самым трагическим, я бы ответил... тот период досуга, когда Рене Декарт (свободный от каких бы то ни было обязанностей) оставался целый день «одна заперти в комнате с пещкой». Именно в этот день Декарт, как известно, сформулировал свое знаменитое положение «я мыслю, значит — я существую», и оно, по Темплу, как и по Джонсону, стало несчастьем для последующих веков, установив идеалистические премены мышления.

«Такая последовательность неверия!» — восклицает Джонсон, — телега ставится вперед лошади. Свобода жить должна стоять на первом месте по сравнению со свободой слова. Ни один младец не требует свободы мысли, но каждый младец требует свободы питания». Идеализм, по Джонсону и Темплу, дал Церкви ложную теоретическую основу. Он помог превратить борьбу за справедливую жизнь на земле в отвлеченный идеал «спасения божия на небесах», что есть привел к нравственному компромиссу и палению «служителей церкви и к распаду ре-

лигиозного чувства, поскольку это чувство должно выражаться в братском ощущении бытия других людей, в коллективном понимании задач жизни, в преимуществе общественного начала над индивидуальным. И в результате: современное «абсолютно индивидуалистическое общество является абсолютно неверующим, сколько бы церковь оно ни строило».

Между тем на другом историческом полюсе нашего времени, в Восточной Европе и в Китае, Хьюлетт Джонсон наблюдает совсем обратное. Люди там отвергли христианство и самую религию, но зато молодой социализм осуществляет не на словах, а на деле все законы братской, проникнутой общностью интересов, равенством и справедливостью, человеческой жизни на земле. Подробно разбирает Х. Джонсон все, что сделано и делается в нашей советской стране в области народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, права на труд, на отдых. Он рассказывает об этом, все время приводя соответствующие тексты из евангелия, но самое изложение и раскрытие этих текстов не имеет ничего общего с церковным трафаретом и, нам думается, должно показаться очень убедительным для миллионов простых верующих людей на Западе. Вот один из примеров его аргументации.

Многие из нас, прошедшие в дореволюционной школе обязательный «Закон Божий», помнят первую проповедь Христа, где он поставил над книжниками и фарисеями ваву из Силона и Неемана Сириянина, а вавенные фарисеи выгнали его из города, повели на гор и захотели сбросить вниз. Никто в старой школе не задумывался на уроке, в чем тут соль. А соль, по Хьюлетту Джонсону, оказывается в том, что и сидонка, и сириянин, и большой самаритянин — все это были представители малых, униженных, притесненных народов, и, ставя их в пример фарисеям, Христос смело для своего времени выдвинул проблему национального равноправия. После раскрытия старого, знакомого текста Джонсон переходит к решению национальной проблемы у нас, привлекая попутно и капиталистическую действительность: «Где вы найдете, например, в Южной Африке, Западной Африке или Центральной Африке, население коих намного превышает по численности население Средней Азии, свою собственную национальную Академию наук с 19 докторами и 90 кандидатами наук, какая имеется в маленьком Таджикистане? Таджикистан, население которого едва ли равняется одной четверти населения Кении, может ныне гордиться пятью тысячами собственных врачей и 58 газетами, издающимися на родном языке. На всем западном побережье Африки, население которого составляет 26 миллионов человек, не издается ни одной независимой газеты на национальном языке, которая делалась бы африканцами и для африканцев; здесь едва ли насчитывается в общей сложности два десятка библиотек, тогда как во всей Советской Азии с населением в 17 миллионов человек имеется 7407 библиотек».

При таком подходе к религии и социализму на первый план неизбежно выступают вопросы нравственности, и главная сторона, привлекающая Хьюлетта Джонсона в коммунизм, — это именно этическая сторона: «Коммунизм как в теории, так и на практике по-настоящему (truly) нравственен», — восклицает он в книге и возвращается к этому много раз: «Пожалуй, именно в этой области (то есть в области морали) я особенно сильно почувствовал, и не только в России, но также в Китае и во всей Восточной Европе, громадное облегчение совести, ощутил резкий моральный контраст между этим миром и западным. Путешествуя по коммунистическим странам, где бы я ни был — в городе, деревне или на курорте, днем ли, ночью — я ни разу не видел ни в театре, ни в кино, ни в книжном магазине, ни в газете или журнале ничего такого, что было бы, с моей точки зрения, пресудительно видеть мальчику или девочке. Это я могу сказать только в отношении коммунистического мира».

Но глубокую нравственность коммунизма, по Джонсону, касается не только бытовых сторон жизни, она проявляется и в том, как разрушающему всякое общество, всякую мораль, индивидуализму старого мира — коммунизму противопоставляет живительное сознание себя частью в коллективе. Он пишет: «... Именно потому, что коммунизму удалось восстановить... способность жить, создавая себя частью целого, способность жить верой в Силу, которую коммунизм называет историческим процессом, определяющим судьбу человека (дело не в названии), он вновь воскрешает один из важнейших элементов веры в бо-

га. Коммунист верит в нечто такое, что больше его, нечто такое, что в конце концов восторжествует и что воплощает в себе правду мира».

Хьюлетт Джонсон хорошо знает русскую историю и литературу, он цитирует Белинского, Толстого, Горького, дает блестящий анализ различий западной и восточной церкви, роли православной церкви при царизме, способствовавшей развитию в русских людях атеизма, и характера православия, как института (преобладание благотворительности и проповеди над обрядовой стороной над гражданско-проповеднической в православии). Говоря о старой России и о молодом Советском Союзе, он ни разу в книге не соскльзывает на то, по существу, при котором проводимые факты перестают быть убедительными. Наоборот, широкий его кругозор, умение обращаться с источниками, чисто английский здравый смысл, с каким просто и ясно излагаются сложные религиозные и философские положения, постоянное желание быть понятным простым людям, — делают его книгу одним из сильнейших человеческих документов. Необыкновенно ясно излагает он и свое понимание диалектического материализма, прибегая к простым, каждому понятным, примерам: «Посмотрите на дерево весной. Оно увеличивается в объеме; кора его лопается, вдоль ствола образуются бороздки и зеленые трещины. Это новая жизнь рвется вверх и наружу, раздирая кору. Затем кора — теперь уже раздвигаясь — восстанавливается, чтобы служить защитой от земных бурь...»

Эта новая деятельная жизнь вступила в противоречие с неподвижной корой и провала ее. Свежие ростки требуют свежей коры, подобно тому, как новое вино требует новых мехов». Это почти по Энгельсу, — но с вкрапленным и незаметно выливающимся в речь евангельским положением о новом вине и старых мехов. Все, чем богат опыт Хьюлетта Джонсона, что он видел в нескольких республиках нашего Союза, встречи, покорившие его воображение, цифры, подковавшие его знание, люди и новая их психология, — все это привлекается им в проповедях, чтоб убедить и показать, чтоб заставить своих слушателей почувствовать интерес и доброжелательность к молодой стране социализма.

Много, много раз над страницами маленькой книги Хьюлетта Джонсона, полными глубокой и безоговорочной симпатии к нам, я ловила себя на чувстве невольной гордости за нашу Родину, за великое дело коммунизма на земле, — и мне вдруг стыдно становилось за себя и многих из нас, не умеющих постоянно, остро, как на фронте войны, помнить и ценить сокровище, созданное нашими руками, и ярко пропагандировать его в своих собственных книгах, так, чтобы слово наше доходило до сердца читателей!

Люди, подобные Хьюлетту Джонсону, не раз возникали и в прошлом. Из них выходили обычно борцы за очищение церкви, за обновление догмы, за церковную реформу. Деятельность Хьюлетта Джонсона — другого типа. Внимание его направлено не на церковь, а на общество. Всеми доступными ему средствами, связанными с его личной глубокой верой, он стремится пробудить интерес своих прихожан и читателей к новому миру, растущему над гнилым остовом старого мира. Своими оригинальными словами и образами рисует он красоту и правду этого мира, как будущее для всего человечества.

Удалось ли ему достиг цели, какую он сам себе поставил в начале книги, то есть доказать, что «между христианством и коммунизмом имеется множество точек соприкосновения на почве их деятельной и решительной диалектики»? Он пытается примирить непримиримое, найти нечто, объединяющее две противоположные идеологии. При всем благоразумии его побуждений, — эта задача остается неразрешимой.

Мне думается, что, даже и не соглашаясь с ним, нельзя не чувствовать, как раздвигается поле вашего внимания, какие новые аргументы приходят вам в голову, какое тепло, братское чувство общности человеческих исканий, человеческих интересов охватывает вас при чтении его книги. И еще думается мне, что главное достоинство этой книги вовсе не в том, что она стремится доказать, а в том, что она действительно доказывает. А доказывает она, как свежий, честный ум нашего благородного современника рвется из лицемерия и фальши окружающего мира капитализма — к гуманной и светлой практике новых общественных отношений. И красота этих отношений так велика для него, что он страстно, всем своим сердцем, старается соединить ее с самым дорогим, что у него есть на земле, — со своей чистой, христианской верой в ранний коммунизм Христа и первых христианских общин.

Международная почта

ЖИТЬ В МИРЕ, — ГОВОРЯТ ГЕРОИ

Дуглас Бейдер хорошо известен в Англии. В 1931 году он лишился обеих ног. Тем не менее в начале 2-й мировой войны он вновь вступил в ВВС и принял участие в первых воздушных боях при эвакуации английских войск из Дюнкера в мае-июне 1940 года. Он имел уже звание подполковника и боевые ордена, когда был сбит в воздушном бою и попал в плен.

Крупнейшая воскресная английская газета «Ньюс оф уорлд» недавно опубликовала статью Бейдера под заголовком «Дорога к миру пролегла не здесь». Эту фразу Д. Бейдер обратил к английским друзьям, прощаясь с ними в последний момент, одобряющим этот курс. «Методы разрушения, которыми располагает Англия, Америка и Россия, — писал он, — настолько ужасны, что правительства этих стран должны встретиться и найти какую-то взаимно приемлемую основу, чтобы жить в мире».

Недавно с открытым письмом к Дугласу Бейдеру обратился член Советского комитета защиты мира Алексей Маресьев. Письмо было передано Московским радио на английском языке. «Дорогой друг! — писал Алексей Маресьев. — Недавно мне довелось познакомиться с содержанием опубликованной в «Ньюс оф уорлд» статьи, под которой стояло Ваше имя. Эта статья заинтересовала меня, и прежде всего потому, что она написана человеком, судьба которого так схожа с моей судьбой...»

Но не только поэтому решил я откликнуться на Вашу статью. Прочитав ее, я убедился, что наши мысли совпадают и сейчас. Я абсолютно согласен с Вами и считаю, что восстановление и укрепление доверия между нашими странами — цель, для достижения которой стоит приложить усилия. Мы, союзники в последней войне, доверили тогда друг другу, и это шло нам только на пользу. В этом можно было не раз убедиться и после войны...»

ОНИ ПРИХОДЯТ В ШЕНЕБЕК

НА УКАЗАТЕЛЕ надписи: «К приемному пункту Шенебек». Если мы последуем по пути, указанному на щите, то попадем в несколько необычное здание — что-то среднее между большим клубом и залом ожидания на вокзале. Большинство присутствующих здесь людей — юноши. На их лицах написаны азавольность и нетерпение...

Сюда, в этот маленький городок на берегу Эльбы, стекаются из Западной Германии сотни молодых людей, которые не хотят служить в восстанавли-

ваемом вермахте. В Шенебеке, как и в ряде других пунктов на границе с ФРГ, по решению правительства Германской Республики, организован приемный пункт, куда приходят эти люди. Тут они получают «путевку» в новую жизнь, отсюда после выполнения несложных формальностей отправляются работать на заводы, в сельское хозяйство в н. н. кооперативы или же учатся.

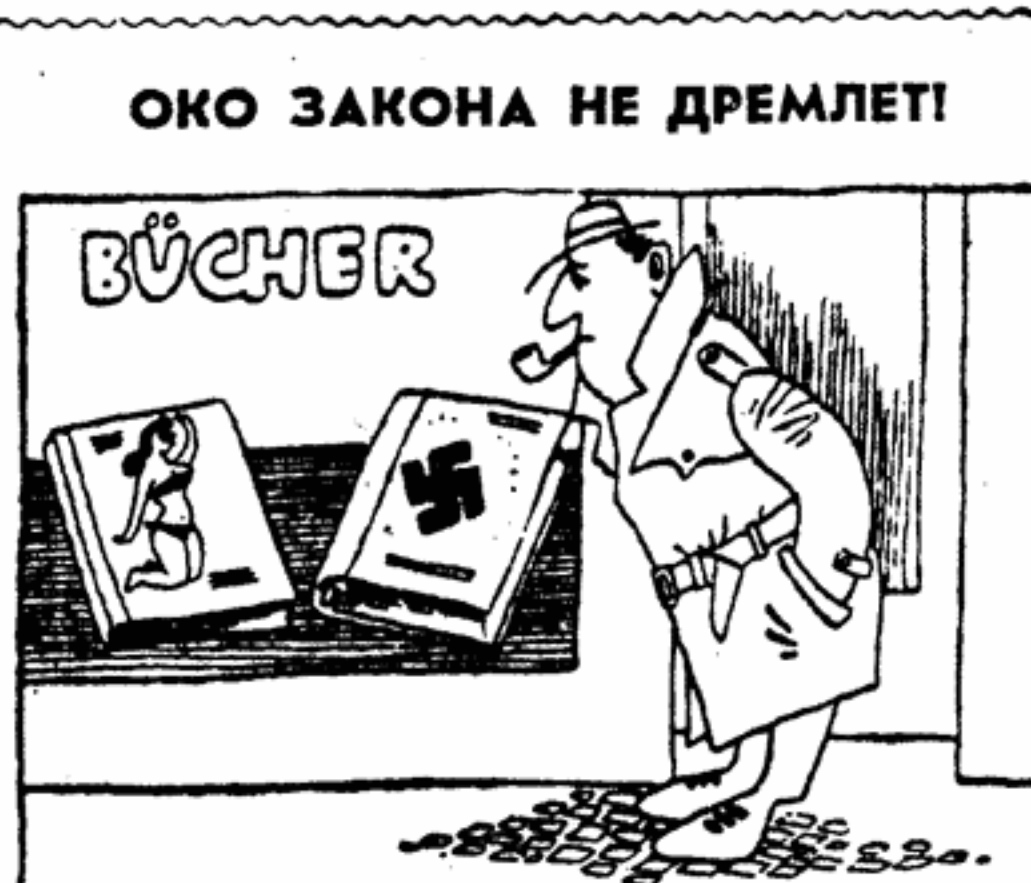
Двадцатилетний Клаус Купке перешел границу вместе с женой и двухлетней дочкой (такие случаи нередки в Шенебеке). В ГДР он намерен крестьянствовать.

Корреспондент немецкой газеты «Фюрт» опубликовал репортаж о Шенебеке, разговорах в клубе приемного пункта с матросом флота Альфредом Паулке. Ему 22 года — возраст «опасный» для молодого человека в Западной Германии, поэтому он и переехал в ГДР. «Участвовать в морском плавании — радость для меня», — рассказывает Паулке, — и я остался бы моряком, если бы не закон о воинской повинности. Он заста-

Тыбе повезло, что ты живешь в маленьком доме. А с умом думаю об увеличении зарплаты, которую мне пришлось бы платить по новому закону, если бы я сам не был домохозяйцем.

Рис. из английской газеты «Дейли геральд»

«Во имя сохранения нравственности молодежи...»

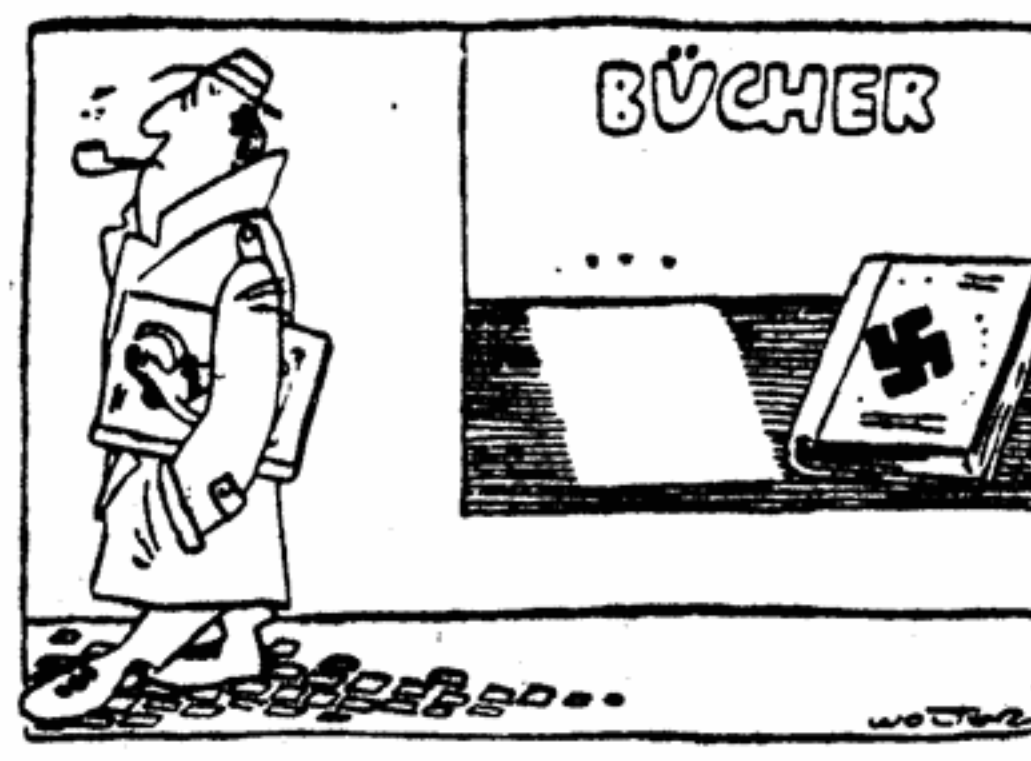

Рис. из западногерманского еженедельника «Советский»

ПАН ШУЛЬЦЕКИЙ ПЕРЕСТРАИВАЕТСЯ

Бывает так: в доме, предназначенном на слом, припадают полуночи, а под ней — кошмар! — и мочища, и червя, и то и красным выводит полкискает. И вот эта ичешть разбегается от внезапно хлынувшего яркого света. Мерзкая картина... Вот так же, точно половину подняли, взору миллионов людей открылась деятельность американского радиостанции «Свободная Европа». Но хотя «Свободная Европа» сто раз изобличена, уличена и разоблачена, как гнездо провокации и диверсии, господа из этого радиостанции не разоблачают. Да и зачем! Жалованье-то в долларах идет по-прежнему.

На днях, например, на польском языке выступил некий доктор Шульцекский. Пан доктор прочитал небольшой инструктивный доклад на тему: «Кому и как надо бежать из Польши на Запад». Большею частью, кажется, и воображать нельзя. Налицо — типичное для «Свободной Европы» нарушение самых элементарных норм международного права. Но вот что ново и интересно: пан Шульцекский заранее уведомляет, что на Западе более или менее ласково встретят только «политических беженцев». Искателям же шикарной жизни Шульцекский рекомендует оставаться дома. Битых 15 минут он очень даже убедительно доказывает, что на Западе рай нет, а кто вздумает его искать, жестоко разочаруется.

Вот послушайте некоторые из его откровений: «Хотя условия для беженцев в Западной Германии и Дании тяжелые, однако их положение там гораздо лучше, чем скажем, в Австрии, Италии или Франции, где в связи с безработицей они не имеют никаких перспектив получить работу». Каково! А ведь, кажется, так недавно «Свободная Европа» клялась и болжала, что на капиталистическом Западе для всех перебежчиков не жизнь, а малина, и под камыдем, мол, листком для них готов и стол и дом. Что же заставило американскую радиостанцию сменить тон и жалобно заскулить?

Прежде всего радиоброухам испросят всю обеду венгерские беженцы. На тех венгров, которые, поверив посулам «Свободной Европы», перебежали на Запад, столкновение с капиталистической действительностью подействовало самым отвратительным образом. Возвращаясь на родину, они рассказывают, что на собственной шкуре испытали голод, беспрестанно, безработицу. После таких рассказов очевидцев «Свободной Европы» пришлось поджать хвост и перестраиваться на ходу.

Но сколько бы мюнхенский радиодивизион ни менял голос, он чем был, тем и остался, — голосом злейших и коварных врагов миролюбивых народов, и в том числе польского народа.

НАЙДЕН ГОРОД...

В бюро находок можно иногда увидеть самые необычайные вещи. Но никогда еще не случилось, чтобы был потерян и через 2500 лет вновь найден целый город. — так сообщало римское радио о крупнейшем научном открытии, сделанном недавно итальянскими археологами. Они нашли в черной гравой Комаккио древний город греко-этрусской культуры, существовавший с VI по IV века до нашей эры. — город Спина. Удивления об этом городе есть у древних авторов, но до сих пор никто не знал, где он располагался.

Еще в 1922 году жители провинции Феррара рассказывали, что в болотах Комаккио, куда они ходили ловить угрей, то и дело попадаются странные предметы из керамики и даже из золота.

Путь для научных изысканий в Комаккио был расчищен мощным крестьянским движением, требовавшим от правительства немедленных мер по осушению болот и превращению их в пахотные земли. Правительство было вынуждено издать закон о проведении мелиорации земель, и вот в 1953 году крестьянские плуги начали выворачивать из земли самые удивительные предметы, которые двадцать пять веков скрывались в черной гравой болот.

Возглавил раскопки профессор Альфери,

хранитель Этрусского музея в Ферраре. Немало трудностей пришлось ему преодолеть. Не было средств. Оклад, который он получал в качестве хранителя музея, составлял сумму, равную примерно заработной плате домашней прислуги. В 1954 году экспедиция профессора Альфери в составе трех человек, вооруженная тремя кистями и тремя ведрами, приступила к полевым работам. На месте раскопок, как поля воронья, немедленно светлело множество мародеров, авантюристов, спекулянтов. Они скупили у местных жителей за гроши ценнейшие научные материалы и перепродавали их по баснословным ценам.

Все же, при поддержке демократического муниципалитета, профессору удалось вернуть работу. Для установления местонахождения древнего города он с успехом применял аэрофотосъемку. Теперь наука располагает точными данными о Спина. Это был крупный порт и оживленный торговый центр (ныне, в результате наносов, он оказался в значительном отдалении от моря). Город занимал площадь в 350 гектаров и имел обширную сеть водонесущих каналов. Итальянский журнал «Синь нувов» именуется город Спина «Венецией древности».

Это важное открытие обещает дать ответ на ряд еще не разрешенных научных проблем, в частности, связанных с расшифровкой этрусской письменности.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИЯ, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Советский писатель в Турции

В 1933 году советский писатель Лев Никитин впервые посетил Турцию. Сейчас, спустя двадцать четыре года после первой поездки, Лев Никитин вновь приехал в Турцию.

Пятого марта советский писатель посетил мавзоль Атаюрка и возложил венки на гробницу первого президента республики. Л. Никитин встретился с государственными деятелями Турции, писателями, журналистами.

Анкарские газеты «Улус», «Сон хавадис» и «Хакимет» на первых страницах поместили фотографии и подробные отчеты о встрече советского писателя с турецкими журналистами. Газеты с удовлетворением отмечают, что в Советском Союзе переводятся на русский язык и издаются произведения турецких авторов, в частности книги таких писателей, как Сабри Эмер Нам Тирали, Уман Назиф, Янар Эмал, Ортем Сейфаттин, Решат Нури Гунтекин, и другие.

В генеральном консульстве СССР в Стамбуле состоялась просмот советского документального фильма «Исторические памятники Кремля», сценарий которого написал Левос Никитин. Стамбульская газета «Тержанна» поместила решение, положительное оценивающую статью.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — В 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литературного отдела СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммулятор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.